

Светлана Замлелова

Тварь

Светлана Замлелова

Тварь

«Автор»

Замлелова С. Г.

Тварь / С. Г. Замлелова — «Автор»,

© Замлелова С. Г.

© Автор

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Светлана Замлелова

Тварь

I

Был уже одиннадцатый час ночи. Роман Николаевич давно уложил детей спать, а сам расположился в большой комнате у телевизора с бутылкой пива. По телевизору рассказывали об убийстве какого-то губернатора. Показывали его тело, распростёртое на асфальте, дырку в голове, лужицу крови рядом и рыдающих женщин, очевидно, родственниц убитого.

Наконец, раздался звонок. Роман Николаевич отставил бутылку, выключил «ящик» и проследовал в прихожую. Вернулась Тамилла Анатольевна, жена Романа Николаевича.

– Здравствуй, солнце моё! – сказала она, входя в прихожую. – Ух, как устала!..

И когда она переступала через порог, Роману Николаевичу показалось, что она посмотрела на него насмешливо, но в то же время с опаской. Как если бы это была кошка, спасающаяся на дереве от собаки.

– Где ты была? – спокойно спросил Роман Николаевич, помогая ей раздеться.

– По магазинам же моталась, – вздохнула Тамилла Анатольевна, – устала!..

– Но ты знаешь, по крайней мере, который час?

Она вскинула рукав кофточки и посмотрела на часики.

– Двадцать минут одиннадцатого, – просто, точно удивляясь вопросу, ответила она.

– Ну, и в каком же магазине ты была до этой поры?

Тамилла Анатольевна нетерпеливо пожала плечами.

– В разных... Не понимаю, шо ты хочешь знать? Я же так устала, а ты устраиваешь мне допрос на пороге. Хоть бы в комнаты завёл... Кстати, ужин готов?

Роман Николаевич молча прошёл в кухню. И только его шлёпанцы, прилипая к голым пяткам и тут же отклеиваясь, громко застучали по линолеуму.

– Вермишель с сосисками... Будешь?

Тамилла Анатольевна присела за стол.

– Вермишель? – она брезгливо поморщилась. – Нет. Лучше налей чаю... Мог бы хоть картошки сварить, – немного подумав, добавила она.

– Я, между прочим, работаю, – сказал Роман Николаевич, наливая ей кипяток в синюю кружку.

– На шо ж это ты намекаешь? – Тамилла Анатольевна подняла глаза на мужа. – Я не понимаю...

– Я ни на что не намекаю. Я только сказал тебе, что работаю. А ты сидишь дома и, по моему, могла бы сама сварить картошки, а не ждать, когда это сделаю я... – и Роман Николаевич с грохотом опустил чайник на плиту.

– Ты шо ж, мене куском хлеба попрекаешь? – Тамилла Анатольевна прищурилась и пуще прежнего застучала чайной ложечкой по стенкам кружки. – Я же сказала, шо ходила по магазинам. Чего же ж ещё? Это такая же работа. И устаю я не меньше твоего! – она выбросила ложку на стол.

– Что ты сегодня купила? – тихо спросил Роман Николаевич.

– Ничего...

– Как? Опять ничего?

– Да, опять! – она начинала выходить из себя. – Не нашла ничего подходящего. Ты с этого удивляешься? Пора бы давно попривыкнуть, шо у твоей жены изысканный вкус, и ей трудно подобрать шо-нибудь для себя, такое элегантное...

Она помолчала, отпила чаю и добавила:

– Особенно ж на твою учёную зарплату.

И по тому, как она отвернулась от него и как стала пить чай, Роман Николаевич заключил, что она осталась вполне довольна собой, решив, очевидно, что сказала что-нибудь очень остроумное.

– Ты довольно часто ходишь допоздна по магазинам и ничего не покупаешь. Тебе не кажется это странным? – спросил Роман Николаевич, подсаживаясь к столу.

– А шо странного? – она пожала плечами. – На те деньги, шо ты даёшь мне, я ж не могу купить себе ничего приличного, – торопливо, скороговоркой проговорила она. И Роману Николаевичу показалось, что она торопится, потому что боится забыть заготовленные слова.

– Зачем же ты столько времени проводишь в магазинах?

– Потому что... Потому что я... ищущу!

– Чего? Тебе чего-то не хватает? Может, вместе поищем?

– Ну, уж нет уж! Спасибо!.. С тобой же ходить по магазинам – это ж отрава! И вообще, я не понимаю, шо ты от мене хочешь?

– Ничего... Просто мне интересно, зачем, имея мало денег, ходить так часто за покупками. И ничего не покупать при этом. Просто хочется понять твою логику...

– И никакой же логики! Обязательно везде ищет логику! Вот же... – и она с негодованием повела плечом. – Успокой свои нервы, я не по любовникам шляюсь... А ты мене замучил своими подозрениями. Возвращаешься из магазина вся никакая, прям готовая упасть и уснуть, а он пытается: где была?! Почему ничего не купила?!

Голос у неё дрогнул, и она отвернулась к окну.

На улице было уже темно, и её лицо отразилось в стекле. И Роман Николаевич увидел, что она и не собиралась плакать. Но разговор и сам Роман Николаевич ей ужасно надоели – на лице у неё было нетерпеливое и злобное выражение, как если бы он мешал ей получать удовольствие.

– Ну, извини, извини... – сказал Роман Николаевич и, шлёпая тапками, пошёл в большую комнату. Туда, где ждали его пиво и телевизор.

Он и не знал, зачем затеял этот разговор. Ему было всё равно, где она проводит время. Он был уверен, что она именно «по любовникам шляется», но ревновать её он и не думал. Ему хотелось только одного: уличить её, показать, что он всё знает и что ему плевать на неё. Он мечтал, чтобы она, наконец, узнала, что ничего для него не значит. Но это был нервный и вместе с тем робкий человек, считающий для себя недостойным и недопустимым делом следить за ней или требовать объяснений. И он всё ждал, когда же она сама проговорится или как-нибудь иначе выдаст себя. А потому, наверное, каждый раз он заводил эти разговоры о магазинах, притворно удивляясь, как это можно ничего не купить...

II

Он познакомился с Тамилей Анатольевной несколько лет назад. Ему тогда было двадцать восемь. Он как раз недавно развёлся и, пожив немного в одиночестве, решил снова жениться. Но долго не мог найти невесту. На работе все подходящие оказались заняты. На улице у него знакомиться не получалось. Пробовал ходить на дискотеки, но тамошние молодые завсегда-тайницы раздражали его своей глупостью и неразвитостью.

Как-то приятель предложил познакомить его с незамужней соседкой.

– Твоя ровесница... Ничего, миленькая... Только у неё маленький ребёнок. Она уже была замужем, и они тоже недавно развелись.

«Ребёнок – это ничего, – подумал тогда Роман Николаевич. – Ребёнок – это даже хорошо...»

И они договорились встретиться через несколько дней.

«Да, она действительно ничего... Миленькая...» – заключил Роман Николаевич, когда приятель представил ему свою соседку.

Потом они стали встречаться. Сходили в кино, в кафе, в парк.

В ту пору было очень жарко. Стоял июль. Воздух струился, пахло раскалённым асфальтом. От домов, как от печей, шёл жар. Повсюду было очень много народу, дурнопахнущего и мокрого. И поговорить толком не получалось. Тогда она сказала:

– Поедем ко мне...

И повезла его куда-то на Ленинский проспект, где у неё была комната в коммуналке, доставшаяся ей по суду после развода...

Когда он, довольный собой, ею и жизнью вообще, курил, подложив левую руку под голову, она предложила ему выпить кофе. И пока она одевалась, чтобы выйти на общую кухню, он тайком рассматривал её. «Да-а-а! – думал он, глядя, как она застёгивает цветастый ситцевый сарафанчик. – Красавицей её, конечно, не назовёшь. Но есть в ней что-то... Чёрт его знает, что... В общем, она ничего, миленькая...»

Она действительно была некрасива. Нижняя челюсть у неё заметно выдавалась вперёд, рот, тонкий и длинный, растягивался в улыбке от уха до уха. Зубы – редкие и мелкие. Аккуртатный, маленький нос портили африканские ноздри. Глаза – слишком широко поставлены и такого же неприятного жёлтого цвета, какой бывает у выбракованных собак. Слегка оттопыренные уши Тамилы Анатольевна старательно, но безуспешно прикрывала тонкими и редкими волосами. Ноги её показались Роману Николаевичу слишком короткими и некрасиво худыми, спина – чересчур широкой. И всё же она не переставала ему нравиться. Может, оттого, что надоела холостяцкая жизнь, надоели бесконечные поиски невесты. Может оттого, что давно уже он не встречался с женщиной, а она вдруг приятно удивила его своей страстностью и искусённостью. Такая молчаливая и покорная – во время близости с ним она менялась. Она дразнила его, звала, распяляла и томила. И, наконец, как ливень засушливым летом, она обрушилась на него и несла облегчение. Она превращалась то в ягнёнка, позволяя делать с собой абсолютно всё, то в тигрицу, нападая и подчиняя себе. И всё это она проделывала так умело, так искусно, что, казалось, была специально этому обучена.

Но, может, была в ней какая-то изюминка, потому что при всей своей некрасивости и нескладности она всё же казалась Роману Николаевичу милой и обаятельной.

«Пожалуй, в ней есть что-то детское, – вдруг подумал он. – Да, да... Именно детское. Что-то в глазах... Какое-то выражение... Что-то детское и вместе с тем жалкое. Жалкое... Да, пожалуй, мне её жалко... Она какая-то... беззащитная. Одна с ребёнком. Муж бросил. Подонок!.. Так жалась ко мне... Конечно, она некрасивая. Но у неё... как бы это сказать... „стильная“ внешность! Она – „женщина-мальчик“. Поэтому ей идут оттопыренные ушки и

эта челюсть. И вот, несмотря на свою некрасивость, она кажется вполне гармоничной... Но какова!...» – и он припомнил её ласки, её ухищрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.